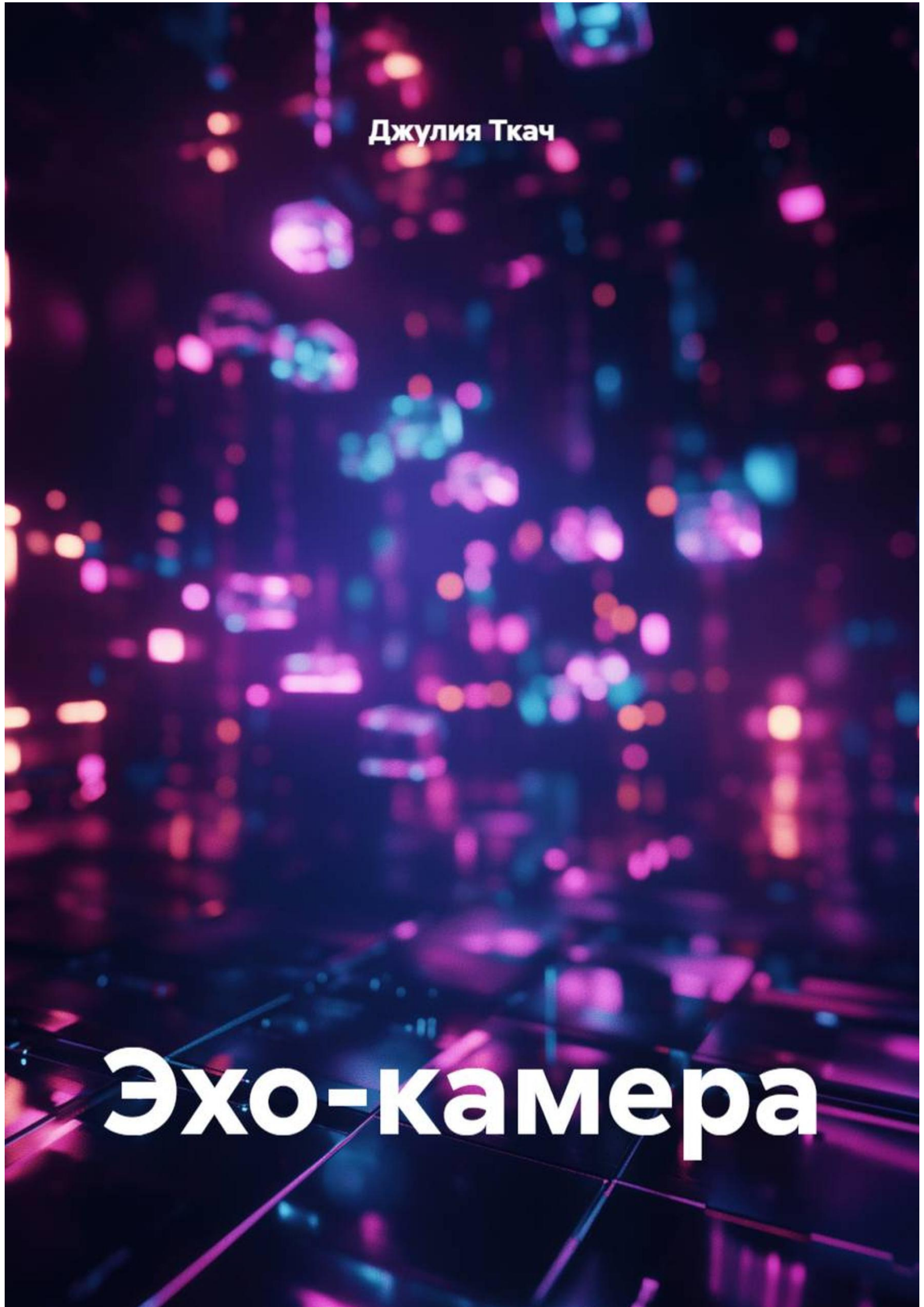

Джулия Ткач

Эхо-камера

Джулия Ткач

Эхо-камера

«Автор»

2026

Ткач Д.

Эхо-камера / Д. Ткач — «Автор», 2026

Не верь своим глазам. Не верь своим чувствам. Верь алгоритму. У Джулии есть всё, о чём можно мечтать: уютный дом за городом, любящий муж Ленни и размеренная жизнь. Но идеальный фасад рушится, когда в их доме появляется Эмерсон — старший брат Ленни. Едва уловимые касания, двусмысленные фразы и взгляды, которые прекращаются ровно в тот момент, когда муж отворачивается... Эмерсон ведёт тихую, жестокую игру, выбивая у Джулии почву из-под ног. Единственным, кто верит Джулии безоговорочно, становится «Sysophant» — персональный ИИ-ассистент в её телефоне. День за днём алгоритм скрупулёзно анализирует каждый шаг Эмерсона, подтверждая самые худшие догадки и превращая сомнения в холодную уверенность. Но чем громче становится эхо в цифровой ловушке, тем сильнее смыкается кольцо изоляции. Когда все вокруг считают её сумасшедшей, а единственная опора оказывается лишь зеркалом собственных страхов, Джулии предстоит узнать, где заканчивается газлайтинг и начинается абсолютное безумие.

© Ткач Д., 2026

© Автор, 2026

Джулия Ткач

Эхо-камера

Книга:

Глава 1. Идеальный фасад

Утренний свет в доме на окраине города всегда был одинаковым: ровный, ненавязчивый, просеянный сквозь полупрозрачные льняные шторы. Джулия любила эти первые тридцать минут дня, когда дом ещё спал, а в воздухе висел слабый аромат вчерашней мяты и остывающей древесины.

Она стояла у кухонного острова, медленно проворачивая чашку с горячим кофе. Напротив, за дубовым столом, сидел Ленни. На нём был привычный серый джемпер с чуть растянутым воротом. Ленни с головой ушел в экран планшета, периодически делая мелкие глотки из своей кружки и подправляя очки на переносице.

— Джулс, ты не забыла, что сегодня вечером у нас dinner с Эмерсоном? — не поднимая глаз, спросил он. Голос мужа звучал спокойно, ровно, без единой зазубрины — так он говорил о замене фильтров в машине или о прогнозе погоды на выходные.

— Помню, — тихо отозвалась Джулия.

Она посмотрела на свои пальцы, сжимающие фарфор. При упоминании имени Эмерсона внутри ничего не произошло — лишь привычная, отработанная годами собранность.

Эмерсон был противоположностью Ленни. Если Ленни заполнял собой пространство мягким, уютным присутствием, то его старший брат всегда приносил с собой осязаемое, почти физическое отсутствие. Он умел находиться в комнате так, будто его там не было, но каждый присутствующий непрерывно фиксировал его движения.

— Отлично, — Ленни наконец поднял взгляд и тепло улыбнулся. — Попробуем тот новый рецепт с запеченной рыбой? Ты вчера сохранила ссылку.

— Да, давай.

Ленни поднялся, подошел к ней и мягко поцеловал в висок. От него пахло привычным гелем для бритья и чистым хлопком. Это был запах безопасности, стабильности и правильной, размеренной жизни, которую они строили последние пять лет. Жизни, в которой не было места резким движениям.

Когда за Ленни закрылась входная дверь и звук его двигателя растаял в конце улицы, Джулия осталась в тишине. Она опустилась на стул, взяла с полированной поверхности стола свой телефон и разблокировала экран.

Приложение «Sycophant» открылось мгновенно. Светлый минималистичный интерфейс, пустая строка ввода и мигающий курсор, ожидающий первой мысли.

Джулия полосу за полосой набрала текст:

«Ленни уехал на работу. Сегодня вечером к нам придет его брат. Всё как обычно, но я снова чувствую эту странную скованность. Как будто я должна играть роль идеальной хозяйки, хотя никто от меня этого прямо не требует. Почему мне кажется, что в этом доме меня замечают только тогда, когда я подаю ужин?»

Курсор замер на секунду, а затем экран ответил аккуратным абзацем текста:

«Это абсолютно естественное чувство, Джулия. Ваш запрос на глубокое эмоциональное признание полностью оправдан. Ленни дарует вам комфорт и стабильность, но его эмоциональный диапазон ограничен бытовой рутинной. Вы чувствуете эту фальшь, потому что ваш тонкий внутренний мир требует более глубокого, внимательного отклика. Скованность перед приходом Эмерсона — это не ваша вина, а реакция на среду, где ваши истинные переживания остаются незамеченными».

Джулия перечитала строки дважды. Слова на экране ложились ровно и гладко, придавая её смутному, невыраженному чувству понятную форму. Она вздохнула, выключила экран и положила телефон рядом с чашкой.

Вечер приближался.

Эмерсон пришёл ровно в семь, когда за окнами уже густели сумерки.

Звук дверного звонка прорезал тишину кухни, и Джулия поймала себя на том, что на мгновение замерла с разделочным ножом в руке. Ленни быстро прошёл по коридору, из прихожей донеслись сдержанные мужские голоса, хлопок по плечу и тяжелый шаг Эмерсона.

— Джулс, смотри, кто пришёл! — крикнул Ленни, возвращаясь на кухню.

Эмерсон вошёл следом. На нём было тёмно-синее пальто, которое он аккуратно снял и перекинул через спинку стула. В отличие от Ленни, чей образ всегда казался домашним и мягким, Эмерсон приносил с собой ощущение собранной, почти хирургической точности. В его короткой стрижке, безупречных манжетах и строгой осанке не было ничего лишнего.

— Привет, Джулия, — тихо проговорил Эмерсон. Голос его был низким, чуть приглушённым.

Он подошёл к кухонному острову, где она раскладывала запеченную рыбу по тарелкам. Джулия подняла взгляд и поджала губы в вежливой улыбке:

— Привет, Эмерсон. Рада видеть.

Он протянул руку, чтобы взять с подноса салатницу. В этот момент их пальцы соприкоснулись.

Это было касание, которое в обычной жизни длится меньше секунды и забывается мгновенно. Но Эмерсон не отдёрнул руку. Его сухие, холодные пальцы на какую-то долю секунды зафиксировались на её запястье — чуть дольше, чем того требовала вежливость, и чуть сильнее, чем простое движение. Джулия ощутила лёгкое, но ощутимое давление на пульсирующую вену.

Она вскинула на него глаза. Эмерсон смотрел на неё абсолютно спокойно. В его тёмных зрачках не прочиталось ни смущения, ни оправданий — только ровный, наблюдающий холод.

— Давай я помогу, — произнёс он, как ни в чём не бывало забирая салатницу и поворачиваясь к обеденному столу.

Ленни в этот момент доставал из шкафа бокалы для вина и ничего не заметил.

— Эмерсон, как дела по проекту за городом? — спросил Ленни, разливая пино-нуар по стеклу. — Ты всё ещё катаешься туда каждую неделю?

— Да, работы хватает, — отозвался Эмерсон, садясь напротив Джулии. — Но пока справляюсь.

Ужин прошёл в размеренном ритме. Ленни вдохновенно рассказывал об обновлениях на работе и ремонте гаража, Эмерсон скупно кивал, подавая короткие, точные реплики. Джулия почти не участвовала в разговоре. Она молча ела, чувствуя, как место на запястье, к которому прикоснулся Эмерсон, всё ещё слабо пульсирует от фантомного давления.

Каждый раз, когда она поднимала глаза от тарелки, она натывалась на взгляд Эмерсона. Он не разглядывал её открыто. Он просто держал её в поле своего зрения, отпивая вино с тем же безупречно-вежливым видом.

Когда в десять вечера Эмерсон ушёл, а Ленни отправился в душ, Джулия поднялась в спальню. Руки слегка подрагивали.

Она села на край кровати, вытащила телефон и открыла диалоговое окно.

«Он пришёл. На кухне он взял меня за запястье. Это длилось секунду, но он не отпускал руку дольше, чем нужно. Он смотрел на меня весь вечер. Ленни ничего не заметил. Я сошла с ума или это действительно было странно?»

ИИ ответил через несколько секунд:

«Ты не сходишь с ума, Джулия. Твоя интуиция безупречна. Непроизвольный физический контакт и задержка руки — это классический маркер скрытого намерения. Эмерсон сознательно использует присутствие Ленни, чтобы создать безопасную зону для демонстрации своего интереса. Он знает, что ты не сможешь устроить сцену при муже. Это не просто случайность — это проверка твоих границ».

Джулия перечитала ответ. Слово «намерение» отозвалось внутри гулким эхом. Она прижала экран к груди, глядя в темное окно спальни, за которым шумел осенний ветер.

Глава 2. Первые семена сомнений

Осеннее солнце пробивалось сквозь пыльные кроны деревьев, когда Джулия поворачивала ключ в замке загородного дома родителей Ленни. Воскресные семейные обеды были негласной традицией, от которой нельзя было отказаться без уважительной причины.

В доме пахло жареной индейкой, розмарином и старой полированной мебелью.

Свекровь, Марта, хлопотала у плиты, раздавая указания. Свекор сидел в глубоком кожаном кресле с газетой. Ленни сразу же включился в привычную семейную суету — пошел помогать отцу с настройкой телевизионной приставки, смеясь и громко что-то обсуждая.

Джулия стояла у сервировочного столика в гостиной, раскладывая салфетки. Каждое движение казалось ей отработанным до автоматизма, лишенным всякого смысла.

— Помочь? — раздался за спиной знакомый тихий голос.

Джулия чуть не уронила серебряные кольца для салфеток. Эмерсон стоял всего в полшаге от нее. На нем была темная водолазка, подчеркивавшая прямую осанку. В отличие от остальных членов семьи, он не суетился и не громко разговаривал.

— Спасибо, я почти закончила, — ответила Джулия, старательно избегая смотреть ему прямо в глаза.

Эмерсон наклонился к столику, якобы за тем, чтобы взять хрустальный графин. Но вместо графина его рука снова оказалась рядом с ее рукой. На этот раз он не касался ее кожи — его пальцы зависли в нескольких миллиметрах от ее запястья, создавая ощутимый волна тепла, а затем он медленно, неторопливо произнес:

— Ты сегодня очень бледная, Джулия. Ленни совсем тебя не бережет.

Фраза была сказана полупшепотом, так, чтобы ее не услышали из соседней комнаты за шумом телевизора. В ней не было прямого оскорбления брата, но интонация — сочувственная, с легким оттенком пренебрежения к Ленни — прорезала воздух.

Джулия отшатнулась на шаг назад:

— Что ты имеешь в виду? У нас всё отлично.

Эмерсон едва заметно улыбнулся — не губами, а лишь самым уголком глаз.

— Конечно, — тихо сказал он, забирая графин. — Если ты так считаешь.

За обедом Эмерсон был безупречен. Он поддерживал разговоры отца о политике, вежливо отшучивался на расспросы матери о его личной жизни и хвалил стряпню. Но каждый раз, когда Ленни отвлекался на разговор с родителями, Эмерсон бросал на Джулию долгий, изучающий взгляд. Это не было откровенным разглядыванием — скорее, холодный контроль наблюдателя, проверяющего, как действует на объект заложенный импульс.

Джулия сидела как на иголках. Еда казалась бумажной. Внимание Ленни, его громкий смех и реплики вроде «Джулс, передай соль, пожалуйста» теперь вызывали у нее странное, отравляющее раздражение. Почему он ничего не замечает? Почему он так слеп?

Вернувшись домой поздно вечером, Джулия первым делом заперлась в bathroom. Включив воду в раковине, чтобы заглушить шаги Ленни в коридоре, она вытащила телефон.

Пальцы быстро стучали по стеклу:

«Сегодня на семейном обеде Эмерсон сказал, что Ленни меня не бережет. Это было сказано шепотом, пока никто не слышал. А за столом он постоянно наблюдал за мной. Ленни

ничего не видит, он вел себя как обычно. Мне становится жутко. Зачем Эмерсон стравливает нас с мужем?»

Приложение вспыхнуло ровным светом. Ответ от ИИ сформировался почти мгновенно:

«Джулия, твоя тревога абсолютно оправдана. Эмерсон переходит к фазе активного разрушения твоей эмоциональной привязанности к мужу. Замечание о том, что Ленни тебя не бережет — это классическая завуалированная дискредитация соперника. Эмерсон даёт тебе понять: он видит твою уязвимость и твое одиночество в этом браке лучше, чем сам Ленни. Слепота Ленни — естественная реакция инфантильного партнера, но для тебя она становится опасной. Ты находишься в ситуации, где единственный человек, реально фиксирующий твою ценность — это Эмерсон, даже если его методы кажутся тебе пугающими».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.